

ПУТЬ СИБИРСКИЙ ДАЛЬНИЙ

История социально-экономического освоения Иркутской губернии неразрывно связана с уголовной ссылкой. Земли у Байкала заселялись не только казаками и вольными людьми, среди первых жителей были и те, для кого приход сюда стал тяжким, пожизненным наказанием. Прочно осев в новых местах, ссыльные добывали соль, металлы и уголь, строили дороги, занимались рыбным промыслом. Именно каторжане стали основой для формирования кадров постоянных рабочих в различных отраслях горной и местной промышленности, винокурении, строительстве путей сообщения.

Ссылка действительно оставила заметный след в истории края. Многочисленные сюжеты этого явления подробно изучены в отечественной, советской и зарубежной историографии. Вместе с тем вопрос об этапировании осужденных в Сибирь исследован далеко неполно – так много в нем действующих лиц и событий, да и хронологический период в три века огромен, требует объединения усилий ряда специалистов. В настоящей статье рассмотрим, хотя бы бегло, историю этапирования ссыльных Сибирским, или Сибирско-Моковским трактом.

Сибирский тракт совершенно справедливо был прозван народом «андалыным»: вся его история – от проектирования, сооружения и до эксплуатации – прочно связана с уголовной и политической ссылкой. При этом тракт использовался в качестве «эликотного пути ссылки» гораздо раньше своего официального открытия и даже строительства. Уже в 1620–30-х гг. из центра страны: Уральский камень панылись первые партии сильных. Их путь повторял первые колонизационные токи, а местом централи стал Тобольск. Отсюда прибывшие отправлялись в города региона, а также через Енисейск на Лену. Так, в 1620 г. тобольский сын боярский М. рубчианов, руководивший постройкой Енисейского острога, просил прислать ему ссыльных людей. Только в 1641–1642 гг. в Тобольск поступило 124 таковых – «русских и литовских людей, и черкас, и мдвы». Они были распределены следующим порядком: отправлены в службу в Сургут 1 человек, в Березы – 5, в Томск – 15, в Енисейск – 22, в Красноярск – 0, в Кузнецк – 7. Таким образом, в служилые люди иверстано 80 человек, на пашню

Иванов Александр Александрович,
доктор ист. наук, профессор ИГУ

были посажены еще 28, один оказался в Красноярске в тюрьме, о судьбе 15 ссыльных сведений не найдено¹.

В 1670–1680-х гг. ссыльные появились и в Прибайкалье. В отписках, окладных, переписных книгах, челобитных упоминаются десятки имен ссыльных. Среди первых жителей Иркутска было много таких, отправленных сюда через Енисейск или в казачью службу, или в посад. Так, писцовая книга за 1686 г. содержит имена 13 ссыльных, проживавших в Иркутске и его окрестностях. Большая часть из них, 11 человек, были людьми «посадскими» и лишь двое – несли казацкую службу. Всех прислали в Иркутск из центра страны, при этом 8 человек являлись уроженцами Москвы, а другие – Переславля-Залесского, Нижнего Новгорода, Пскова².

Ссылка этого периода носила также характер опалы: в Сибирь, в том числе и в Прибайкалье, отправлялись политические противники власти, участники заговоров и дворцовых интриг, а также «радетели за истинную веру». По всей видимости, первым известным политическим ссыльным был здесь протопоп Аввакум. В 1653 г. он за «многое безчинство» был сослан «з женою и з детьми в сибирский город на Лену». В декабре этого года Аввакум был в Тобольске, в конце 1655 г. – в Енисейске, в октябре 1656 г. – в Братском остроге. Вот как описал Аввакум свои злоключения: «Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуну – река о том месте шириною с версту, три залавка через всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, – меня привезли под

В дороге. На каторгу. Воспроизведено из книги «Живописная Россия» (СПб., 1895. Т. XII Ч. 1)

порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишка просто; льет вода по брюху и по спине, – нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. <...> Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил... Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцет была сослана от меня. <...> Сын Иван – невелик был –

прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: ночевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видел»³.

С большим трудом Аввакум под присмотром казаков отряда А.Ф. Пашкова переправился через Байкал и все лето двигался против течения Селенги и Хилка, достигнув осенью 1657 г. Иргень-озера, а затем реки Нерчи.

Протопол вместе со всеми испытывал тяготы этого многотрудного похода – тянул лодки и нарты, несколько раз тонул, голодал. Аввакум ярко и живо сумел описать не только свои страдания, потерю близких (в Забайкалье умерли два его малолетних сына), издевательства, которые он претерпел, но и дал подробное описание озера Байкал, одним из первых подчеркнув значение его ресурсов для предстоявшего освоения края. «Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки – дватцеть тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и пов луши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, – все богоделанно. Лук на них растет и чеснок – больши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопля богорасленныя, а во дворах травы красныя – и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерле-

ди и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во океане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо – нельзя жарить на сковороде: жир все будет»⁴. Зиму 1662–1663 гг. Аввакум встречал уже в Енисейске.

Уголовная ссылка XVII в. была «вечной»: независимо от рода и места службы такие осужденные уже не возвращались из Сибири. Вместе с тем, внутри региона они, руководствуясь потребностями местных властей, могли перемещаться из края в край. Например, большая часть иркутских казаков из ссыльных, как правило, ранее несла службу в Енисейске и Братском остроге и лишь по прошествии значительного времени направлялась в Иркутск. Из Иркутска их могли отправить не только дальше на восток, что было бы логично, но и в обратном порядке, если того требовали обстоятельства. Можно утверждать, что Иркутск в восточной части Сибири, как Тобольск в западной, в конце XVII в. становится центром для дальнейшего размещения ссыльных. Со временем масштабы ссылки в Иркутск в казачью службу, а также в посад, только увеличивались. Так, в 1699 г. здесь «на вечном житье» числилось почти 90 ссыльных, что составляло 9 % от числа всех жителей⁵.

Из южной части Сибири и Приангарья ссылка достаточно быстро перемещалась за Байкал. Уже в 1681 г. в Баргузинский острог были отправлены с женами и детьми в пеший казацкий строй сыны боярские

Юрий Крыженовский и Пётр Ярыжкин, провинившиеся в Охотском и Зашиверском острожках. В 1701 г. в Забайкалье были высланы единомышленники «типографщика Григория Галицкаго», напечатавшего «воровские письма», в которых Пётр I назывался антихристом; всего их было «семь человек, а с ними пять вдов» казненных преступников. В 1703 г. могло попасть в Забайкалье небольшое количество астраханских казаков, отправленных сюда за бунт, поднятый «за русскую старину»⁶.

Д. Фрост. Сибирский пограничный столб. Воспроизведено из книги Дж. Кенна «Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.)» (СПб., 1999. Т. 1)

Источники по истории Сибири XVII–XVIII вв. содержат многочисленные примеры устройства ссыльных на пашню. Так, еще в 1620-х гг. на енисейской государственной пашне было размещено первых 30 человек. В 1630 г. они писали в коллективной челобитной: «Присланы мы, сироты твои, с Москвы в Енисейский острог наги и босы и по твоему государеву указу велено нас посадить на пашни, пахати на тебя, государя, десятинная пашни». Крупные партии московских ссыльных поступали в Енисейский уезд и позднее, в 1648–1649 г. сюда прибыло еще 6 ссыльных, в 1650 г. – уже 27 семей, в 1668 г. – еще 30 семейств⁷.

В пашенные крестьяне записывали большинство ссыльных обширного Илимского воеводства, направлявшихся сюда из Енисейска. В отписках, окладных, переписных книгах, челобитных за 1640–1650-е гг. уже упоминаются десятки имен таковых. Их большая часть – выходцы из «черкасов». Среди илимских ссыльных этого периода встречались и люди знатные: например, Никифор Романов Черниговский, польский военнопленный, принятый на русскую службу в 1634 г. За попытку «бежать в Литву» он был выслан в Енисейск, затем отправлен на Лену и жил в Илимске, Киренске, Усть-Куте, служил здесь пятидесятником или приказчиком. Обличенный доверием местных властей, ездил в Москву, отвозил государев ясак. В 1666 г. Черниговский вместе с илимскими казаками, среди которых были и ссыльные, самовольно ушел на Амур, отстроил Албазинский острог и без поддержки правительства удерживал его в течение десяти лет, возобновив тем самым в регионе русское присутствие⁸.

С 1670–1680-х гг. заимки крестьян, среди которых было немало сосланных «за вины», стали возникать и под Иркутском. В эти годы ими населялись деревни Разводная, Панова, Уксусова, Щукина, Каргаполова. В 1680 г. сюда прибыла партия ссыльных крестьян из Олонецкого уезда, из Москвы, из вотчин Тихвина монастыря, отставные подьячие, посадские люди. Основная часть прибывших была поселена в деревнях Уриковской и Кудинской слободы. В 1681 г. уриковские крестьяне просили увеличить им земельные наделы, так как «на тех отводных землях вновь поселены присыльные пашенные крестьяне». За счет пополнения ссыльными число дворов Уриковской слободы выросло к 1682 г. с 16 до 20. Также увеличилось количество ссыльных в Кудинской сло-

боде, в деревне Такинской число дворов за десятилетие утроилось. По данным О.И. Кашик, в 1681 г. близ Иркутска на пашне было уже около ста «ссылных людей»⁹.

Не все пашенные ссылные мирились со своей долей, немало бежало дальше на север или в Дауры.

Д. Фрост. Тобольская каторжная тюрьма. Воспроизведено из книги Дж. Кеяна «Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886.)» (СПб., 1999. Т. 2)

Так, в 1691 г. Л.К. ислынский в отписке илимскому воеводе «господину Еремею Ларионовичу» просил сыскать и отправить к нему в Иркутск крестьянина Юдку Сидорова дасыльного Тимошку Байдикова. В другой отписке за тот же 1691 г. речь шла о поиске беглого удинского Офньки Семенова Лыхы. Для его поимки и доставки в Иимск был отправлен казак Ф. Челюшин, который «Оньку нашел в Илимском уезде у пашенного крестьянина у Терешки Павлова, а тот де, Терешка, Офньке:сть. И на заимке де у себя он, Терешка, с ссылным беглым человеком, с зятем своим с Афонькою Лыжу да с пашенным крестьянином с Абакшею ево, Феду, били и увечили и отбили у него, Фетки, лошадь с сном и с потники, топор, да шубу баранью»¹⁰. Как видим, масштабы уголовной и политической ссылки в Сибирь увеличивались год от года. По подсчетам современников, в 1593–1645 гг. сюда было сослано уже около полутора тысяч человек, а к началу XVIII в. таких здесь насчитывалось чуть меньше 20 тысяч. Их доля в контингенте русского населения составляла в 1662 – 11,5 % и 8,6 % – на рубеже веков (в том числе 13% мужского населения)¹¹.

Несмотря на возросшее внимание государства к колонизации Сибири ссылным людом, порядка в их доставке не было по-прежнему. Об этом можно судить, например из царского указа от 1 февраля 1701 г. нерчинскому стольнику Бибикову. В статье 10-й ему предписывалось расследовать дело о притеснениях и злоупотреблениях боярского сына Петра Мелешкина, который в 1697 г. повел из Тобольска в Нерчинск семейство беглых верхотурских крестьян в числе 624 душ. Из этого числа в 1700 г. пришло за Байкал только 40 человек, остальные или умерли от голода, или разежались¹².

Ссылные в пути страдали не только от голода. Огромные расстояния между центром страны и ее сибирской окраиной астоятельно требовали обустройства здесь мест для ночлега и отдыха, приготовления и приема пищи. Между тем колодники по-прежнему отправлялись за Кмень с оказией или специальными партиями под руководством стрельцов из Разбойного или Сибирского приказов, и только при Петре

Великом была построена, по всей видимости, первая пересыльная тюрьма. О ее строительстве узнаем из наказа верхотурским воеводам от 1 сентября 1697 г.: «А для присланных вновь в сибирские города всяких ссылных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую и держать новоприсланных ссылных людей, до отпусков в низовые сибирские города, в той тюрьме с великим береженьем, за сторожью верхотурских служилых людей, а как приспест время отпуску их в низовые сибирские города, и их отпускать в те города по московским росписям, кого куда сослать будет указано... по тому же за караулом. А на Верхотурье и в слободах новоприсланных ссылных людей, без указу великого государя и грамот из Сибирского приказа, не оставлять и на всякие чины и пашню не верстать»¹³.

Массовое движение ссылных по Сибирскому тракту началось с 1760-х гг. 13 декабря 1760 г. был принят указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». Помещику предоставлялось право самостоятельно определять состав преступления своего крепостного и наказывать его ссылкой в Сибирь. При этом указ определял и основные принципы организации отправления и передвижения таких людей: «...А понеже те принимаемые люди, из каждого места отправляемы быть должны по наступлении лета, водяным путем до Самары; того ради всем тем отдатчикам... людей стараться приводить до наступления летнего времени за месяц или менее, дабы в содержании их при тех городах затруднения быть не могло...»¹⁴.

Как видим, государство стремилось организовать движение так, чтобы высылаемые собирались из разных губерний в одном месте, а именно в Самаре, здесь дожидались летнего времени и затем отправлялись в далекий край. Как следует из нормативных документов, местом для ссылки первоначально был определен Нерчинский уезд Иркутской губернии. Отправляемые должны были следовать через Калугу по Оке и Волге до Казани, от Казани Камой до Нового Усолья, далее 310 верст пешком до Верхотурья, затем по сибирским рекам до Тобольска и через Томск до Иркутска и Нерчинска.

Первые же партии следовавших в Нерчинск ссылных выявили «узкие места» всей организации, главное из которых заключалось в отсутствии по дороге необходимого количества продовольствия. К тому же для сопровождения осужденных не хватало конвойных команд, транспорта, помещений для остановок. На трудности пути в Нерчинск указывал и сибирский губернатор Ф.И. Соймонов, сам бывший ссылный, прошедший всю Сибирь до Охотска и обратно. Как известно, после помилования он возглавлял Нерчинскую экспедицию, одной из задач которой было определение в Забайкалье земли, «к хлебопашеству годной».

Именно Ф.И. Соймонов предложил не посылать крестьян в Нерчинский уезд, пока там «хлебопашество еще не размножено», а основное их количество селить по Иртышской линии. Еще в конце 1760 г. он писал в правительство, что при переводе в 1754 г. из Соликамских соляных варниц в Нерчинск 2151 человека, при переходе незаселенными болотистыми местами по Кети, за семь недель умерло от голода и болезней 517 человек¹⁵. В конечном итоге сенат по предложению Соймонова решил заселять Забайка-

лье из ближайших к нему мест, а посылаемых в зачет рекрут крестьян селить «по дороге от Тобольска к Иркутску и до Нерчинска и около него».

С 1761 по 1782 гг. в Сибирь, согласно «рекрутским указам», было направлено не менее 35 тыс. душ мужского пола. Если учесть, что в этот период женщины составляли 75–80 % от числа сославшихся мужчин, можно полагать, что за 20 лет в регион по Московскому тракту прибыло около 60 тыс. ссыльных и членов их семей¹⁶.

Часть сосланных, отправляемых помещиками в зачет рекрут, стала использоваться как для строительства, так и для заселения самого тракта. По данным Г.Ф. Быкони, в 1763 г. здесь уже насчитывалось более 2700 ссыльных, занятых на отсыпке пути. К 1782 г. их численность значительно выросла и составила около 6000 душ обоего пола. Только на Нижнеудинском участке тракта числилось 1552 поселщика (888 – мужчин и 664 – женщины), что составляло 54,3 % местных крестьян, мещан и купцов. Первые восемь семей ссыльных были приняты в Нижнеудинске 1 июля 1769 г. (29 мужчин и 19 женщин), привезенные из Казанской губернии. В это же время в Бирюсинский станец в ведение сына боярского Семена Кузьмина поступило 17 семей ссыльных, в которых было «26 мужских и 19 женских душ». Далее по дороге к Тулуну в 1770-е гг. населили еще девять зимовий и станций: Хингунскую, Головоключинскую, Шобантурскую, Уковскую, Замзорскую, Ключинскую, Яловскую, Бороновскую и Алзамайскую¹⁷.

Прибывшие на место ссыльные за счет казенных средств строили дома и хозяйственные помещения. Поселенцев освобождали на три года от подушных платежей и повинностей. На каждого взрослого государство выдавало возвратную натуральную ссуду – два сошника, два серпа, топор, косу, а также одну лошадь на семью. Кроме того, взрослым работникам, независимо от пола, полагалось по копейке

Группа каторжан в Сибири. Воспроизведено с сайта <http://humus.livejournal.com/3301556.html>

кормовых денег в сутки, а детям – по полкопейки. До первого урожая назначалась и хлебная «помощь». Забота государства об устройстве поселенцев этим не заканчивалась: личная жизнь и быт таких ссыльных находились под постоянным контролем специальных управителей, назначаемых, как правило, из детей боярских с приданными им рядовыми казаками или солдатами.

Дело поддержки поселенцев продолжалось и после их водворения. Так, еще в 1766 г. на трех участках тракта Средней Сибири – Красноярском, Канском и Нижнеудинском – были сооружены хлебные «мангазейны», скупавшие муку у крестьян и затем снаб-

жавшие ею ссыльных. В таких складах-магазинах надлежало иметь от 1 до 1,5 тыс. четвертей муки. Несмотря на помощь государства, разница в экономическом положении поселщиков, водворенных по Сибирскому тракту, и старожилов была огромной, большая часть ссыльных испытывала постоянную нужду, терпела всяческие лишения и, как следствие, работала у зажиточных крестьян, а не заводила свои хозяйства¹⁸.

В XVI – первой половине XVIII в. Сибирский тракт проходил так называемым северным путем – через Соликамск, Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск, Чаусский острог, Томск, Красноярск, Иркутск. В 1763 г. началось строительство дороги южнее: по линии Казань – Пермь – Екатеринбург – Тюмень – Ялуторовск – Ишим – Тюкалинск – Омск. К 1780-м гг. тракт в основном был заселен и устроен, хотя отдельные участки продолжали заселяться и обустраиваться до 1830-х гг. Длина Сибирского тракта от границ Пермской губернии до Иркутска составляла 3188 верст, от Иркутска до Кяхты – еще 522,5 версты¹⁹.

Каким порядком производилось следование колодников на такие масштабные расстояния? В дошедших до наших времен указах, грамотах и челобитных определенного ответа на этот вопрос нет. Сохранились только разрозненные сведения, из которых можно заключить, что предназначенные в Сибирь шли пешком, закованные в ножные тяжелые кандалы и ручные железа, причем, нередко несколько человек сковывались вместе на железный прут; самые важные преступники следовали в колодах или железных ошейниках и на цепи, а менее важные – «просто» в кандалах.

Исследуя атрибуты «костюма» такого ссыльного, можно сделать вывод о неуклонной либерализации отечественной пенитенциарной системы. Сначала были уничтожены колоды и ошейники (1820), затем тяжелые кандалы были заменены облегченными (1822), причем женщины совсем избавлены от ножных оков. Цепи было окончательно запрещено надевать на людей в 1826 г., а железные ручные прутья – в 1832 г.²⁰

Шло время, а сибирская ссылка и в начале XIX в. по существу не знала организации: «счета» колодникам не было, ссыльные, отправленные в места водворения, довольствовались в пути милостыней, на ночлег просились к крестьянам притрактовых сел, а местное начальство нередко задерживало их в своих корыстных целях, используя даровую рабочую силу, где и сколько угодно. Отсутствие порядка вело к массовым побегам и, как следствие, – к появлению огромного количества бродяг. Бродяжничество, преступность беглых – вот что становилось главным результатом ссылки, что хорошо иллюстрируют подсчеты Е.Н. Анучина: из 159 755 человек, проследовавших через Тобольский приказ по Сибирскому тракту за 1827–1846 гг., 48 566 были бродягами и 18 326 – беглыми, пойманными и вторично отправленными в Сибирь, что в сумме составляло 42 % всех сибирских ссыльных²¹.

Упорядочение сибирской ссылки было предпринято в 20-х гг. XIX в. и связано с именем М.М. Сперанского. Получив назначение на пост генерал-губернатора Сибири, Сперанский совместно с Г.С. Батеньковым разработал «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских губерниях», в которых постарался учесть и разрешить большинство накопившихся в «ссылочном деле» проблем. Прежде

всего, были определены общие принципы, полномочия и порядок работы органов управления ссылкой. Согласно законодательным актам, для приема, распределения и учета ссыльных создавался Тобольский приказ, а на местах – ряд экспедиций о ссыльных: казанская, томская, енисейская и иркутская. С Уставом впервые у ссыльных появились документы

Группа каторжан на дооге за Томском. Воспроизведено с сайта <http://humus.livjournal.com/3301556.html>

– статейный список: указанием имени и фамилии, местом рождения и наименованием преступления, за которое он осужден. К месту наказания такой ссыльный следовал егеря в составе этапной партии в сопровождении конвойной команды под руководством офицера, имевшего также учетные документы на этапиркуемых.

Уставы Сперанского составлялись в расчете на 2–3 тыс. сибирских ссыльных в год, однако потребности страны в изоляции преступников были гораздо выше. Например, если в 1812–1821 гг. за Уральский камень был отправлен 39 761 человек, то в следующем десятилетии – 91 709, а в 1832–1841 гг. – еще 78 823. Всего же с 307 по 1881 гг. Сибирь приняла 635 319 ссыльных²².

Такое количество наказанных поселением или каторжными работами намного превышало число потенциальных рабочих мест. Этим людям нечем было занять, им не хватало не только «тяжких», как того требовала каторга, но даже сезонных работ. Отсюда – неосуществимость и утопичность многих положений уставов.

Устав об этапах детальной образом расписывал действия конвойных команд, а также обязанности самих ссыльных. Прочитываем, например, два параграфа главы третьей «Движение партий»: «§ 41. Движение каждой партии, приема начало в назначенный по расписанию недельный день, на границе Тобольской губернии с Пермской и в городах Тобольске, Томске и Красноярске, по всему пути продолжается с точностью по назначению, так что на каждую станцию всупадает партия один раз в неделю и в известный притм день.

§ 42. Каждая команда препровождает по одной станции с обеих сторон этапа, таким образом:

В тот самый день, когда партия должна по расписанию вступить на следующую впереди станцию, всупадает на оную этапная команда и, приняв ввечеру ссыльных, ночует.

На другой день препровождает принятую партию до этапа.

В 3-й день имеет тут растах.

В 4-й препровождает партию далее на следующую станцию и сдает там оную команду, с соседственного этапа пришедшей.

На 5-й возвращается на этап»²³.

Этапы – это несколько деревянных построек, непременно окруженных высокими заборами – палиями. В них имелись отдельные помещения для конвойного офицера, конвоя, большие камеры для арестантов-мужчин и поменьше – для женщин и семей. Камеры разделялись коридором, в конце которого была кухня, имелась печь с котлом для кипятка. На окнах крепкие решетки, а камеры на ночь запирались, и выставлялся караул. На первый взгляд, эти «придорожные тюрьмы» были сделаны добротно, на самом деле в них было всегда холодно и сыро. Картины дополняли огромное количество паразитов, от которых не было спасения, и полная антисанитария отхожих мест. В таких условиях ссыльным приходилось существовать по несколько месяцев.

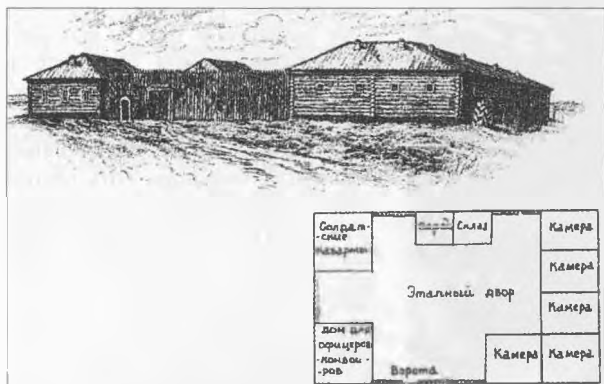
Несмотря на принятые уставы, в организации этапного дела «на местах» по-прежнему было много нерешенных проблем. Например, график движения. Как следует из письма иркутского гражданского губернатора И.Б. Цейдлера начальнику Нерчинских горных заводов Т.С. Бурнашеву от 26 ноября 1824 г., колодничьи партии из Верхнеудинска к местам каторжных работ отправлялись «одна за другою через самое кратчайшее время», что ставило в затруднение стоящих по кордонам казаков «исполнять свои обязанности от того, собственно, что они между тем как не успевают препроводить до следующего кордона партию, новая уже поступает ранее, нежели они обратятся на свои места». Губернатор предлагал «решительным образом» сократить количество пересылаемых партий и отправлять арестантов на Нерчинские заводы «не более как один раз в месяц»²⁴.

Во второй половине XIX в. в деле этапирования ссыльных установился относительный порядок. Партии арестантов вывозились из Москвы в конце апреля по Московско-Нижегородской железной дороге специальным поездом. От Нижнего Новгорода до Перми три раза в две недели ссыльных сплавляли на баржах. Из Перми в Екатеринбург отправление осужденных производилось дважды в неделю. При отправке из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились и становились числом не более 100–150 человек. Из Томска в Ачинск и далее по Восточной Сибири арестанты следовали пеше-этапным порядком круглый год, выступая из Томска еженедельно.

При таком порядке кормовые деньги на довольствие партий в пути от Москвы до Перми выдавались московским губернским правлением конвойному офицеру московской конвойной команды по числу арестантов при особой кормовой тетради с указанием, кому именно предназначались суммы в размере 10 или 15 коп. (для привилегированных) в сутки. Во время весенней распутицы движение по тракту приостанавливалось, но не более как на две недели, если это признавалось необходимым.

Движение партий расписывалось заранее и утверждалось на самом высоком уровне. Например, в 1882 г. планировалось отправить из Москвы 11 933 пересыльных арестанта. Из Москвы они отправлялись по три раза в две недели, а именно: первая партия – 23 апреля экстренным поездом в составе 140 человек, пересылаемых до Казани; вторая – 27 апреля – 217 человек; третья – 4 мая – 250 человек. В

таким же порядке продолжалось движение следующих 29 партий. Как правило, в первые партии назначались зимовавшие в Москве, а затем уходили прибывшие в город в течение летнего периода и в таком количестве, какое каждый раз признавалось нужным инспектором Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта как полным распорядителем движения арестантских партий между Москвой и Тюменью²⁵.

Д. Фрост. Этап. Воспроизведено из книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.)» (СПб., 1999. Т. 1)

Между Нижним Новгородом и Пермью совершалось также 32 рейса. Порядок устанавливался следующий: первый рейс – большая баржа «Томск», второй рейс – средняя баржа «Тобольск», третий – малая «Тюмень» и т. д., продолжая во всю навигацию. Из Перми в Екатеринбург отправление арестантов производилось два раза в неделю, по вторникам и пятницам. При следовании из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились и становились не более 100–150 человек; здесь отправка была ежедневной, а именно – с 6 мая по 26 июня – на 19 подводах – по 114 человек; с 27 июня по 4 сентября – на 18 подводах по 108 человек; с 5 по 29 сентября по 60 человек. Таким образом, планировалось, что в 1882 г. через Екатеринбург проследует 15 408 арестантов, через Тюмень – 17 800, через Томск – около 11 300, Ачинск – 9 300²⁶.

На территории Иркутской губернии в 1877 г., например, действовало 28 этапов и полуэтапов:

1. Разгонный (от Боярского Енисейской губ.)	25 верст
2. Алзамайская	25
3. Камышетская	24
4. Уковский	17,5
5. г. Нижнеудинск.	21
6. Кургатуйская	21,5
7. Худоеланский	26
8. Шербатинская	21
9. Курзанский	21
10. Тулуновская	25
11. Шерагульская.	26
12. Тулинская	18
13. Куйтунская	23
14. Листвянская	19
15. Кимельтейская	19
16. Зиминская	30
17. Тыретский	25
18. Заларинская	22
19. Кутуликская	30
20. Черемховская.	28
21. Половинная	18
22. Мальтинская	29
23. Тельминская	21

24. Суховская	28
25. Иркутск	34
Итого 62 перехода от Томска до Иркутска.	
26. Патроновская	18
27. Тальцинская	23
28. Лиственичное.	20 ²⁷ .

Каждую этапную команду возглавлял обер-офицер, имелись унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые – всего 686 служащих, в том числе три фельдшера. Конвойная команда препровождала партию до соседнего этапа, где сдавала арестантов начальнику во время дневки, принимая от него ссыльных, пересылаемых в обратном направлении.

Нелишним здесь будет привести и размеры жалованья этапных команд за календарный год:

– фельдфебелю	24 руб.
– унтер-офицеру старшему	18
– младшему	4,5
– ефрейтору.	2,85
– рядовому и сторожу	2,7
– писарю	10,65
– фельдшеру	60
– денщику	2,10 ²⁸ .

В 1881 г. этапных зданий в губернии было уже 29, из которых на Московском тракте – 26, Амурском – 2 и Кругоангарском – 1. «Большинство этапов требует капитальных поправок», – указывалось в отчете иркутского военного губернатора за этот год²⁹.

Согласно маршрутной этапной карте по Забайкальской области, путь арестантов от берега Байкала до Верхнеудинска состоял из восьми этапов и полуэтапов: Мишихинского, Мысовского, Боярского, Большереченского, Кабанского, Таракановского, Ильинского, Уточкинського. Самое большое расстояние пути было между этапами на перегоне Ильинский – Уточкинский – 34 версты, самое незначительное – перед Верхнеудинском – всего 15 верст. В среднем длина одного этапного перегона в Иркутской губернии и Забайкальской области составляла 20–25 верст. Именно столько партия каторжан могла пройти за световой день.

Путь от Верхнеудинска тянулся дальше – до Нерчинского. Это еще 25 этапов и полуэтапов. По-

Барак для каторжан на этапе. Воспроизведено с сайта <http://humus.livejournal.com/3302806.html>

сле Нерчинска за Ключевской дорога раздваивалась: северная шла через Сретенск, Шилкинский до Усть-Карийского – восемь этапов; южная – через Кавыкучи-Ундинский – Больше-Зерентуйский – еще девять. Во второй половине XIX в. партии ссыльных от Иркутска в сторону Нерчинска отправлялись один раз в две недели. Для препровождения арестантов с 1878 г. были образованы 12 конвойных команд чис-

ленностью от 27 до 2 нижних чинов каждая. Общее количество всех конвойных составляло 11 офицеров и 369 нижних чинов³

Этап всегда был тяжелейшим испытанием для арестанта. Путь от Боярской до Верхнеудинска полагалось пройти за 8 суток, от Верхнеудинска до Читы – за 23 дня, от Читы до Нерчинска – за 12 дней, от Нерчинска до Сртенска – за 4 и от Сртенска до Нерчинских промыслов – за 6 или до Зерентуя – 12 дней. Таким образом, от Байкала до Зерентуя партия двигалась 59 суток. Срси движения всегда зависели от конкретных условий и зачастую изменялись в сторону увеличения³¹.

Через Байкал ссыльных и каторжан переправляли в летнее время на баржах. Путь от Лиственичной до Мысовой морем описал Н.И. Кочурихин, революционный наодник, террорист, шедший на кару в 1892 г.: «Октябрь-ноябрь – самое бурное время на озере Байкал. Качку, подобную та, какую мы пережили здесь, я испытал один лишь раз на Тихом океане под Формозой во время тайфуна. В приступах морской злости свалилось партию. В трюме скучена «шпанка», было много женщин и детей. Политических поместили на носу баржи. Переправлялись во ночь и только утром были на другом берегу³².

Переправа через Байкал зимой по льду была не менее опасна. Вот как описывает этот путь Я. Стефанович, возвращавшийся из Нерчинской каторги в Якутию в 1890 г.: «Озеро «мы переехали на трех подводах, вместе с конвоём. И это не совсем точно, потому что добрых верст десять пришлось идти пешком. На середине Байкала выстроены на льду бараки, где мы часа полтора отыхали и пили чай. Широкие трещины не попадались, а в аршин ширины привычные лошади преспокойно перепрыгивали. Чем ближе к западному берегу, тем чаще громадные лужи, вернее – целые озера выступившей поверх льда воды. Местами их можно объехать, делая крюк с версту и более, но некоторые из этих «наледей» настолько обширны, что объезд их потребовал бы многих лишней верст. Сидеть при том в низких санях, именуемых розвальнями, положительно хуже, чем идти пешком. И в том и другом случае – все равно в воде, но на ногах, по крайней мере, нащупываешь палкой, где мельче. Версты три до Лиственичной сплошь плелись по воде и только в семь часов вечера, совершенно вымокшие, пошли в село»³³.

Как правило, обратный путь занимал еще больше времени. Например, дорогу от Кары до Иркутска тот же Я.В. Стефанович проделал за четыре с половиной месяца. Это «невольное путешествие» оставило в его душе неизгладимый след. В пути ссыльный вел дневник – «этапник», записи в котором привел в порядок уже в Намский улус Якутской области, в юрте В. Серошевского в 1891–1892 гг. Получилась довольно интересная документальная статья, полная живых

и ярких впечатлений, с хронометрической точностью воссоздавшая все мытарства ссыльных. Думается, вполне уместным будет привести ее здесь в нашем изложении.

Д. Фрост. Каторжане за работой на Карийских золотых приисках. Воспроизведено из книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.)» (СПб., 1999. Т. 2)

По воспоминаниям Я.В. Стефановича, очередная партия ссыльных приходила на Кару каждые две недели. Обратные конвоиры забирали тех, кто отбыл свой срок каторжных работ, выходил на поселение или следовал в Читу, Верхнеудинск и дальше по какой-либо другой причине. Путь предстоял тяжелый, и уголовные ссыльные, имевшие хоть какие-то денежные средства, старались его всячески избегнуть. Часть из них покупала паспорт прямо на Каре. Обычный ссыльный шел за своим паспортом по этапу, измученный многодневной дорогой приходил в волость к месту причисления, где и получал необходимый документ с тремя буквами – ЛВП – «лишённый всех прав». Ссыльный с деньгами покупал себе документ здесь же, в каторжной тюрьме, заплатив немалую сумму надзирателю и писарю. Такой уголовный сразу же превращался в вольного человека, садился на пароход и плыл к месту своего причисления.

Те, кто не имел денежных средств, составили этапную партию и пошли с Кары пешком, под присмотром конвойной команды. Впрочем, «пошли» и здесь не все. Часть ссыльных, бурно отметив спиртным расставание с товарищами, самостоятельно идти не могла, их «скидали» на подводы, предназначенные для вещей арестантов. Трезвых провожали «жены»: вышедшие в вольные команды «мужья», занимавшиеся добычей «старательского» золота, успели на каторге обзавестись семьями и даже кое-каким имуществом. Обратные партии разительно отличались от партий, шедших на каторгу: здесь за вчерашними каторжниками или ссыльными почти не смотрели, конвой свободно разрешал пропитание по придорожным селам, а то и «стянуть, где что плохо лежит».

Впрочем, суровый климат этих мест всегда против арестантов. В дороге партию нагнали морозы, пришлось утепляться тем, что было, вплоть до соломы с крестьянских полей. В Сртенск пришли через пять дней и, полуобмороженные, были заперты на ночь в холодном, не протопленном этапе. Стефанович подробно описывает забайкальские этапы. Это – настоящие тюрьмы, расположенные на тракте и окруженные высокими палиями. На всем пути от Сртенска до Кабанского только два этапа содержались в сравнительной чистоте, остальные напоминали «стойла для животных».

Другое дело – полуэтапы. По мысли автора, они ничем не отличались от больших деревенских изб, с одной или двумя камерами. Эти помещения содержались так называемыми «каморщиками», как правило, бывшими каторжными. Такой каморщик прекрасно знал потребности ссыльного. Он следил за чистотой, протапливал печь перед приходом

партии, заблаговременно готовил кипяток. Его жена «стряпала хлеб и шаньги, запасала омулей и мерзлого молока, и цены у нее были божеские, не то, что у солдат». Ни пали, ни замки, ни караулы с грозными окриками офицера – ничто не напоминало автору здесь подневольного положения.

Стефанович подробно рассказывает о денежном довольствии в пути. Согласно инструкции, сопровождавший артиста старший воинский чин каждый день выдавал арестантам кормовые деньги – от Сретенска до Верхнеудинска эта сумма равнялась 20 коп., от Верхнеудинска до Иркутска – 14. Фунт ржаного хлеба, купленный у крестьян, стоил полторы копейки, пшеничного – три. Однако возможность купить продовольствие так дешево была не всегда, в необжитых местах продукты покупали у конвойных солдат, при этом цены вырастали уже в два-три раза. Так, за фунт плохого, непропеченного хлеба, именуемого арестантами «глиной», приходилось выкладывать почти три копейки, а за фунт мяса – десять. Помимо провианта, каждый фельдфебель практически открыто торговал спиртным.

В Верхнеудинской тюрьме этапные арестанты провели десять суток. Они были сняты с кормового довольствия и питались из общего скудного котла. Сэкономленные в дорогу хлебные пайки, согласно инструкции, были отобраны при выходе из тюремного замка, и до полуэтапа Уточинского партия прошла вообще без продовольствия, здесь купить было нечего, поэтому вплоть до Ильинского – 30 верст – шли, согреваясь пухом кипятком.

«Голодный период» закончился для ссыльных только в Кабанском. Здесь автор в сопровождении простоватого солдата-конвоира сходил на базар, купив разной снеди, зашел в почтовую контору и собственноручно отправил письмо «в Россию». Этап в Боярской, по воспоминаниям Стефановича, был «ужасным»: всю ночь пили, пели, играли на гармонике, обратив камеру в настоящий кабак. Та же ситуация возникла и в Мысовой – здесь встретились две партии – «кандальная», или «верховая», идущая на Кару, и «низовая», следующая на поселение. Все события развивались вокруг непрерывной многочасовой карточной игры, когда обе партии выставляли из своей среды лучших игроков. Проигравшие теряли все деньги, продукты, а зачастую и последнюю одежду. Здесь же проигрывались и переходили из партии в партию «свободные» женщины.

В заключении автор задается вопросом, найдется ли в его партии из 34 вышедших с ним с Кары арестантов хоть один человек, на которого каторга подействовала «благоотворно и умиротворила бы в нем преступника». По наблюдениям Стефановича, по крайней мере, 15 арестантов уже замыслили новые преступления. На этапах они обменивались информацией, намечали места своих встреч и даже предстоявшие жертвы. На его глазах сколачивались новые шайки,

выбирались главари, прорабатывались маршруты и детали преступной деятельности. З оставшихся 19 человек большая часть арестантов планировала вернуться назад и продолжить занятия с преступничеством, и только незначительное меньшинство еще не определилось, чем займется на поселении. Эффективность каторжного перевоспитания, таким образом, практически, по мысли автора, была нулевой.

Этапирование государственных преступников по Сибирскому тракту имело существенные отличия. Прежде всего, политические шли пешим порядком, а двигались на телегах в составе общих партий или отдельно. Если среди уголовников имелись «политики», движение таких партий контролировалось особо: отправлявшая сторона обязательно уведомляла сторону принимающую. Например, в начале сентября 1882 г. Енисейское губернское правление уведомляло Иркутскую экспедицию о ссыльных, что «с 28 августа из города Красноярка в партии уголовных арестантов при статежных писках и фотографических карточках следуют осужденные государственные преступники Владимир Жебунёв, Николай Ааронский, Александр Кирхнер, Иван Мйнов, Владимир Демьяновский и Василий Панкратъ». При прохождении такой партии Нижнеудинска, местный исправик отправлял в Иркутск телеграмму, например такого содержания: 29. IX. 1882. При партии № 30, отправленной 19 сент., следуют гос. преступники: 3 муж., 1 жен., №31 отправкой 26 сент. – муж.»³⁴.

Как правило, государственные преступники пользовались в пути определенными привилегиями: они могли везти с собой личные вещи и предметы первой необходимости, не надевать арестантского платья и обуви, ребовать во время ножек отдельного

помещения. В 1850–1870-х гг. политических ссыльных старались везти к месту каторги отдельно, в сопровождении офицера и нижих жандармских чинов. Такое движение было намного легче следования с общим этапом и по сравнению с тюремным заключением, в котором революционеры проводили в ожидании приговора по нескольку месяцев, а то и лет, напоминало все-таки «невольное путешествие». Как вспоминал, например, народник Н.А. Чарушин, арестантов с процесса 193-х, слетавших в Забайкальскую область на каторгу, в конце июля 1978 г. из Петербурга в Москву отправили поздом в специальном вагоне, прицепленном к обычному товарному. Их сопровождала команда жандармов, возглавляемая ротмистром. Затем в Москве осужденных перевели на другой вокзал и также в отдельном вагоне отправили до Нижнего Новгорода. В дороге политики пользовались относительной свободой, жандармы не стесняли их бесед и даже выполняли мелкие поручения по закупке провианта на станциях.

В Нижнем ссыльных пересадил на арестантскую баржу, которой по Волге они добились до Перми.

Прикованный к тачке, лежащий на нарах. Нерчинск. Фото А.К. Кузнецова. 1891. РНБ. Воспроизведено с сайта <http://humus.livejournal.com/2880004.html>

Здесь пересели на лодки и до Тюмени «мчались день и ночь, делая лишь короткие остановки для приема пищи». После Тюмени арестованных вновь погрузили на баржу и савили до Томска, откуда опять же на почтовых без ительных остановок довели до Иркутска. Согласно донесению иркутского полицмейстера гражданскому губернатору, «государственные преступники: Тимофей Квятковский, Николай Чарушин, Серий Синегуб и Екатерина Брешкокая» были доставлены в город 0 августа, «помещены в здешней тюремный замок в двух светлых камерах», а уже 1-го сентября под конвоем тех же жандармов «отправлены в Забайкальскую область на Карийскую политическую каторгу». Таким образом, весь путь от Петербурга до Иркутска ссыльные проделали меньше чем за 40 суток³⁵.

Гораздо дольше тяжелее был путь революционера, если он следовал в Сибирь этапом, вместе с партией уголовных ссыльных. Такое «пешеходное» могло длиться от года до полутора лет и превращалось в суровое испытание, отнимая все силы, а нередко и здоровье и даже жизнь. Так например, дорога от Петербурга до Петровского завода для ссыльных гарибальдийцев заняла почти восемь месяцев – с июля 1863 по февраль 1864 г. В.К. Дебогорий-Моисеевич проделал за полгода в 1879 г. подобный изнурительный путь с арестантской партией от Киева до Иркутска, а затем до Тельмы. Народнику Я. Белому в 1880 г. понадобилось ровно месяц только на этап Красноярска до Иркутска³⁶.

Листок «Народной воли» описывал дорогу между Томском и Иркутском в 1882 г. следующим образом: «От Томска начинается собственно этапное передвижение на лоадях. Арестанты размещаются по трое на каждую возку при одном конвойном, одном жандарме и ищике. Возки выравняются в линию, и поезд окружится внушительным числом солдат, вооруженных штыками, саблями, револьверами. Позади поезда – тарантас конвоирующей партии офицера. Когда все готово, вместо обычного в таких случаях: «Гюди, благослови!», раздается команда: «Заряди ружья, держи их на взводе! Если кто вздумает бежать стрелять!» И поезд двигается в путь, извиваясь по извилистой дороге. Падает мокрый снег; жидкая грязь вылезает из-под копыт лошадей и в таком изобилии идет путников, что они вскоре превращаются в как-то фантастические существа. Сидящие по краям минутами рискуют упасть, что нередко и случается. Дорога до того убийственна, что лошади выбиваются из сил, едва передвигают ноги и останавливаются. Таким образом едут целый день и значительная часть ночи...»³⁷.

В Иркутске «ссыльный путь» раздваивался. Часть арестантов отправлялась за Байкал, на Нерченские казенные заводы и рудники, другие готовились к переходу на север губернии и в Якутскую область.

Прибывших с Московского тракта, как правило, размещали под Иркутском – в Александровской цен-

тральной каторжной тюрьме, имевшей и свой постоянный контингент заключенных, или в центральной пересыльной, расположенной рядом, в этом же селении. Здесь из осужденных судом или высланных административно формировались партии в несколько десятков, а то и сотен человек, которые в сопровождении опять же чинов жандармского ведомства отправлялись к месту отбывания наказания. Если

революционеры попадали в центральный поздней зимой, то обычно вынуждены были ждать до лета и только в июне, после весенней распутицы, двигались дальше. До 1886 г. партии на Якутск отправлялись пешим порядком, причем телеги для ссыльных предоставлялись крестьянами прилегающих сел, выполнявшими подводную повинность. Позже было открыто движение по Лене – этап добирался своим ходом до Качуга, оттуда вниз по реке на «паузках».

Вот как описывает свой этап в якутскую ссылку Е.К. Брешко-Брешковская: «Когда же мы водворились на «паузке» – вид большого плота с обширным крытым сараем на нем, без окон, но с широкими воротами и крышей, покатою настолько, что на ней можно не только сидеть, но и прохаживаться; внутри широкие нары с обеих сторон, но т. к. все

Д. Фрост. Побег на уру. Воспроизведено из книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.)» (СПб., 1999. Т. 1)

арестанты на нарах не помещаются, то вторая половина партии устраивается под нарами и не гарантирована от того, что вода не подмочит и самого спящего, – нам, «политическим», был отведен отдельный «паузок». Уголовные же ехали на 2-х других, а на 4-м помещался конвой из 70 солдат и офицера. На носу паузка набросана земля и устроен очаг, всегда уставленный большими и малыми котелками от разных групп <...> Вопреки всем неудобствам, все мы чувствовали себя счастливыми после тюремного заточения <...> Чем дальше на север, тем реже поселения, безлюдные берега... Когда мы подъехали к деревне, размытой этой же весной страшным небывалым разливом Лены, когда остановились перед ней, чтобы посадить 2-х назначенных сюда на поселение товарищей, то при виде развалившихся изб, поломанных изгородей, валявшихся бревен, при полном отсутствии людей, – мы все жутко переглянулись и увидели, каким мраком подернулись лица двух обреченных... [Они] долго шли по берегу <...> и махали, пока не скрылся пароход, тянувший нашу баржу... Было очень грустно!...»³⁸.

Нередко конкретные обстоятельства заставляли отправлять политического ссыльного из Александровского центра в Якутскую область сугубо индивидуально, не дожидаясь общей партии, что было весьма обременительно для казны. Например, в конце сентября 1881 г., выполняя решение Верховной распорядительной комиссии, Иркутское губернское правление вынуждено было срочно доставить народовольца И.В. Аптекмана в Якутск. Для его сопровождения были назначены два унтер-офицера. Вот как были расписаны расходы этого предприятия: «От г. Иркутска до г. Якутска считается 2818 верст. За это расстояние причитается: прогонов в передний

путь, по случаю распутицы, на четыре лошади и в обратный путь двум конвоирам, также по распутице на 3 лошади – 862 руб. 96 коп.; порционных жандарму Кравченко в оба пути, полагая по 1 коп. на версту – 65 руб. 36 коп.; унтер-офицеру Оловянникову – кормовых также в оба пути за 76 суток, полагая по 75 верст в сутки – 18 руб. 22 коп. и в кормовое довольствие Аптекмани, как лицу простого звания, 5 руб. 40 коп... Выдать Аптекмани, с выключкой из списков замка, под расписку жандарму Кравченко, проверив предварительно натуральные приметы Аптекмани с приметами, описанными в статейном списке и фотографической его карточкой, а также выдать Аптекмани необходимую одежду»³⁹.

Открытие в Сибири сквозного железнодорожного движения существенно изменило условия этапирования политических и уголовных ссыльных. 12 февраля 1897 г. последовало высочайшее повеление, в силу которого перевозка арестантов от Тюмени до Томска пароходами с 1898 г. должна была прекратиться, а отправление из России в Сибирь партий ссыльных и каторжан следовало совершать исключительно по Сибирской железной дороге⁴⁰. Пешее движение арестантских партий по главному Сибирскому тракту отменялось, все существовавшие этапы и полэтапы были закрыты, за исключением Тельминского полэтапа, служившего для пересылки арестантов от железнодорожной станции Тельма до села Александровского и обратно⁴¹.

С этого времени и уголовные преступники, и революционеры следовали в ссылку в арестантских вагонах. На станциях и те и другие могли получить бесплатно кипяток, приобрести через своего выборного старосту продукты, здесь же можно было с помощью солдат конвойной команды отправить письмо на родину. Железная дорога значительно сократила и время в пути: по воспоминаниям, например, С.С. Мушкат (Дзержинской), следовавшей в ссылку весной 1912 г., путь от Варшавы до Иркутска занял меньше четырех недель. При этом условия в пути можно считать вполне сносными: «вагоны на сибирской дороге были удобны, у каждого заключенного была целая длинная полка, так что можно было спать»⁴².

Арестантские этапы передвигались по железной дороге в строго отведенные дни, по преимуществу, один раз в неделю. В течение 1910–1911 гг. в практику пересылки арестантов был введен новый тип специального вагона на 72 и 48 мест. Внутри вагон делился на несколько помещений. Одно – для арестантов, другое – для конвойной команды. Кроме этого в конце вагона имелось отделение для котла самостоятельного парового отопления и котла-кипяtilьника для чая. Отделение для арестантов было забрано мелкой решеткой, позволявшей конвою постоянно наблюдать за перевозимыми. Здесь

располагались ввинченные в пол скамьи, для освещения всего помещения имелись небольшие оконца на высоте двух метров размером 20 x 30 см, армированные железным прутком. Арестанты довольствовались в пути кормовыми деньгами в размере 10 коп. в сутки. К тому же, на станциях в Челябинске, Красноярске, Иркутске они получали горячую пищу. Сопровождение арестантов осуществлялось чинами конвойной стражи. В 1910 г. функционировало 537 таких команд, в том числе 19 – в Сибири⁴³.

Как видим, вся история Сибирского тракта теснейшим образом связана и с уголовной и политической ссылкой. С 20-х гг. XVII в Тюмень, а затем и дальше, шли партии участников дворцовых интриг и переворотов, стрельцы, казаки из «черкас», крестьяне, отправленные в Сибирь помещиками «за предерзости», уголовные преступники, бродяги, наконец, декабристы, петрашевцы, революционеры-народники, социал-демократы и эсеры. Несколько сотен тысяч ссыльных, прошедших этапным порядком по тракту, оставили заметный след в экономике обширного края: они активно участвовали в освоении территории, пахали государеву десятину, были среди первых посадских жителей, несли казацкую службу, дали основу для формирования промышленных рабочих. С отменой крепостного права, расширением рынка свободной рабочей силы и ее удешевлением применение подневольного труда стало невыгодным, однако государство, продолжало эксплуатацию ссыльных. Вместе с тем, принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог и малоэффективен. Но это, как говорится, совсем

Закованный ссыльнокаторжный в ручные и ножные кандалы. Нерчинск. Фото А.К. Кузнецова. 1891. РНБ. Воспроизведено с сайта <http://humus.livejournal.com/2880004.html>

другая история.

Приложение

Птицын Влад. Тюремь Приленского края (Путевые наброски) // Северный вестник. 1889. № 12. С. 85–101 (очерк приводится в изложении).

Автор зимой 1883 г. проехал от Иркутска до Киренска и дальше до селения Чечуйского по Якутскому тракту и осмотрел на этом пути все тюремные здания.

Пересылка всяких ссыльных, следующих по Якутскому тракту, составляет натуральную повинность местного крестьянства; оно же обязано строить и содержать как пересыльные тюрьмы на каждой почтовой станции, так и следственные тюрьмы, т. е. такие, куда заключаются на время производства следствия обвиняемые за разные преступления, совершенные в пределах местности, для которой устроена такая следственная тюрьма. По всему тракту все тюрьмы деревянные, в Верхоленске и Киренске они обнесены частоколом, в прочих местах – это обыкновенные крестьянские избы, пристроенные к волостному правлению или стоящие неподалеку от него, особняком. При каждой тюрьме есть сторож, «каморник».

В Качуге пересыльная и следственная тюрьма состоит из четырех камер: одной большой пересыльной, двух следственных и караулки. Во всех камерах нет зимних

окон, поэтому, несмотря на то, что, например, в пересылку могут набиться до 40 человек, температура воздуха в помещениях не повышается более 3° тепла. В следственных камерах нет печей. Арестантам здесь выдается по 3 фунта хлеба и по 6 копеек деньгами в сутки каждому на прокормление. Арестанты на свое положение и на чиновников не жаловались. Арестантские партии приходят почти каждый день, и мужчины, женщины, дети – все ночуют вместе. Впрочем, иногда женщинам-арестанткам с детьми разрешается ночевать в деревне у крестьян.

Верхоленская тюрьма состоит из двух низких камер, 8 аршин в длину и 6 в ширину. Следственные и срочные арестанты содержатся вместе. Им выдается по 15 копеек в сутки, на что можно купить только хлеба с кирпичным чаем. Арестанты жалуются, что их не пускают за покупками, а сторожа перепродают хлеб дорого. Заведует тюрьмой сельский староста.

Тюменцовская пересыльная тюрьма в 297 верстах от Иркутска представляет большую и низкую избу, вместимостью человек на 20, с печкой, но без вышек, украденных, по словам сторожа, самими арестантами. Птицын застал здесь пересыльную партию в 60 человек, большая часть из них была отпущена в село для усройства по крестьянским избам. К своему удивлению он обнаружил в партии двух арестантов – Гусева и Голятикова – идущих по этапу в одном белье: шубу, шаровары и теплые бродни, выданные им в Иркутске, они пропили. Впрочем, ссыльные божились, что одежду у них украли. По словам арестантов, печка в тюрьме неисправна и выделяет угарный газ, они видели, как нескольких человек с предыдущей партии, угоревших за ночь, оттирали снегом.

Коркинская пересыльная тюрьма – небольшая сельская изба с одной камерой и печкой. По словам каморника, более «обстоятельные» ссыльные всегда отпущаются старостой по квартирам местных жителей. При этом последние берут с каждого арестанта за дневку 10 копеек, а за ночевку – 5, с обязательством доставлять им бесплатно кипятка для чая.

Следующая, Пномаревская, пересыльная тюрьма оказалась чуть лучше коркинской. В камере здесь есть нары, но арестанты из-за духоты, несмотря на мороз, спят с открытой настежь дверью. Арестанты в основном жаловались на продукт: хлеб стоит дорого, по 5 коп. за фунт, очень редко удается купить гнилых омулей по 3 копейки за штуку (цена хорошей рыбы доходит до 10 копеек), да кирпичного чая. Были выражены обиды и в адрес каморника: мол, выдает мало дров, на что тот резонно заметил: «если выдать по норме, они будут жечь целую ночь зря».

От Грузновской станции – 17 станция от Иркутска – до города Киренска на протяжении 540 верст автор пересыльных тюрем «почти» не встретил: здесь ссыльные всегда распределяются среди местных крестьян, причем, бесплатно. На парию от 100 до 150 человек требуется 10–15 ямщиков с годдами. Местный староста неоднократно замечал, что ссыльные, для того чтобы не идти пешком, часто претворяются больными. В этом случае число подвод приходится увеличивать, что повсеместно вызывает недовольство крестьян. Кроме этого крестьяне вынуждены даром кормить арестантов, пропивших свои кормовые деньги, «иначе они что-нибудь украдут с голоду». Автор наблюдал и такую картину: почти в каждой партии есть два-три «глых» арестанта. Чтобы они не замерз-

ли, местные жители вынуждены давать им свою одежду: на такого ссыльного одевается доха, которая снимается на следующей станции, и человек практически голым сдается от станции к станции очередным провожатым. Так эти ссыльные и добираются до Киренска, где их секут за пропой одежды, но все-таки выдают какие-нибудь теплые старые халаты.

Вообще, по наблюдению Птицына, повинность по сопровождению и размещению пересыльных партий непомерно тяжела для крестьян. Именно поэтому они стремятся всячески избавиться от ссыльных, во всяком случае, никогда не препятствуют даже массовым побегам. Как выяснил автор, местные жители хорошо знают, что для беглых арестантов в их крае существует два наиболее удобных пункта. Один – станция Жигаловская: отсюда бродяжий тракт в Россию идет сначала на Илгинскую волость, оттуда по реке Тыпте и через хребет на Балаганск. Из Балаганска беглецы плывут на плотках вниз по Ангаре, затем сушей выходят к Тулуну на Московский тракт и идут рядом с ним особыми бродяжими тропами. Второй пункт – это село Усть-Кутское, в 612 верстах от Иркутска. Отсюда беглые ссыльные идут на Илимск, от него на село Братское и около селения Бирюсинского выходят на большой тракт. Это, можно сказать, Великий Беглый путь для всей прибайкальской ссылки.

Орлингская волостная и следственная тюрьма состоит из крохотной избы, предусмотренной

лишь на несколько человек. Арестантам выдают здесь 14 копеек в сутки. На Скокнинской и Рижской почтовых станциях арестантам продают хлеб по 8–10 копеек за фунт, а пропившие свои деньги питаются подаванием. Усть-Кутская следственная тюрьма состоит из двух темных каморок без печек человека на три каждая. Содержания арестантам никакого не полагается, а по словам сторожа, он через день водит ссыльных по деревне собирать милостыню. Партии пересыльных бывают от 40 до 120 человек каждая, проходят раз в неделю, однако ссыльные прибывают сюда самостоятельно небольшими группами каждый день и ждут затем сбора всей партии. Очень часто пришедшим приходится проводить по полдня на морозе, пока местные крестьяне договорятся, каким образом им распределить ссыльных на постой.

Птицын с удивлением встретил в только что пришедшей партии целый хор. Ссыльные рассказали, что подобные артели не редкость – каждая большая партия, как правило, имеет своих певчих, число которых доходит до 10 человек. Такой хор при удаче зарабатывает от Иркутска до Усть-Кута до 100 рублей. Здесь же автор узнал и о другом способе пересылки «голых»: таких арестантов крестьяне укладывают на телегу, покрывают их сеном и кошмой и так везут до следующей станции. Подмечено, что число пропивших свою одежду, или за бесценок продавших ее тем же крестьянам, неуклонно возрастает по мере удаления от столичного города.

Побывал Птицын и на Усть-Кутском солеваренном заводе. Здесь он застал 51 каторжника и 17 вольных рабочих, большая часть из которых – те же осужденные, отбывшие свой срок обязательных работ и вышедшие на поселение. По словам управляющего, завод заказывает каторжан через иркутскую экспедицию о ссыльных. При этом сюда стараются брать только семейных – они никогда не бегают – и уж точно вообще не берут арестантов, отбывших хоть часть наказания в «централке», так как та-

Клейменный ссыльнокаторжный.
Нерчинск. Фото А.К. Кузнецова. 1891.
РНБ. Воспроизведено с сайта <http://fishki.net/32260-na-katorge-v-nerchinske-22-foto.html>

мошние сидельцы «выходят вполне испорченными и неспособными ни к какой работе».

В заводе имеется 45 домиков, в которых живут как каторжные, так и вольные рабочие. Домики эти, по словам Птицына, давно находятся в собственности каторжан. После окончания своего срока они продают эти строения с огородом и прочим хозяйством. При этом стоимость домика не превышает 17–35 рублей, а цена одной коровы – доходит и до 40 рублей. Новички покупают такое хозяйство с помощью завода: управление выплачивает продавцу необходимую сумму, а свои затраты компенсирует постепенно из заработной платы рабочего.

Каждый каторжный рабочий получает жалование в размере от 3 до 12 рублей в месяц, смотря по способностям и усердию. Кроме жалования каждому каторжнику завод выдает на год: по три пары холщовых рубах и штанов, по две пары летних и зимних онуч, по 4 аршина солдатского сукна на поддевку, по паре ичигов и бродней, по две пары рукавиц с варегами, чембары (лосиные брюки) и зимнюю шапку.

Сверх того каждый семейный каторжный получает от завода по пуду хлеба на каждую женщину и ребенка до 12 лет своей семьи в месяц. При опросе каторжников, они не заявили ни одной жалобы на свое житье и условия работы. Из находящихся на заводе 15 женщин-каторжанок только две живут в одиночку на квартирах, остальные находятся в гражданском браке или с каторжными, или с вольными рабочими, имеют свои дома и хозяйство.

По словам управляющего, большинство нелегальных браков у каторжан со временем становятся законными. Детей в заводе 24 человека. Из общественных учреждений здесь есть кабак, часовня и больница с фельдшером. За прошедший год в больнице было двое больных. Школы при заводе нет.

Производственный процесс добычи соли довольно прост, если не примитивен: только последний арендатор устроил приспособление для накачивания соляного рассола из источника, а до этого каторжники черпали рассол ведрами вручную и разносили его по чренам. Число рабочих часов на заводе невелико и определяется рамками 6–12 часов в сутки, смотря от времени года. Каторжные работают и в воскресные и в праздничные дни, за исключением табельных дней и трех первых дней Рождества и Пасхи.

Главный административный надзор за каторжниками на заводе осуществляет местный усть-кутский земский заседатель (по-русски, становой пристав), получающий за это по 300 руб. в год от арендатора завода.

На заводе, по наблюдению управляющего, наблюдается значительное улучшение нравственности каторжников: тяжких преступлений – убийств, краж со взломом и т. д., здесь не помнят, хотя драки, кражи, мелкие проступки, словесные оскорбления случаются. В штрафном журнале завода за последние 3 года есть запись лишь о трех случаях наказания розгами.

Обыкновенно каторжники, придя на завод и немного обжившись, снимают арестантскую одежду, а с нею бросают и тюремные нравы и обычаи. Из развлечений есть хороводы по праздникам и сходки в кабаке, хотя пьянство развито у каторжан меньше, чем у усть-кутских крестьян. Вообще от крестьян каторжане-рабочие отличаются и одеждой: они чище «ходят» и опрятнее живут. Их хозяйство, кроме дома, включает двор, закут для коровы, баню и огород. Обыкновенно, обед такого каторжанина-рабочего состоит из своего картофеля и чая с молоком. Самовары есть у всех, мясо и рыбу едят только по праздникам.

Некоторые рабочие к выходу на поселение успевают накопить себе и немалый капитал, который достигает нередко 100 рублей. Птицын сравнивает достаток двух каторжан-рабочих. Для этого он просматривает записи в конторской книге заводского управления, где фиксируются сделки купли-продажи между уходящими с завода отбывшими свой срок каторжанами и пришедшими только что им на смену. Например, каторжник Купцов продал

свое имущество, состоявшее из дома ценой 17 руб., трех табуретов, двух ведер, кадушки и шкафа всего за 19 руб. 5 коп. Каторжник Мещериков был гораздо богаче. Он продал следующее имущество: дом, железную печь, чугунок, жаровню, сковороду, два железных ведра, ковш, три кадки, три квашни, сито, сельничи, ухват, кочергу и даже зеркало, два замка, два медных подсвечника, чайник, четыре чашки и нож – всего на 35 рублей. Сверх того им же была продана корова, девять кринок и подойник – за 40 рублей.

Случаев побега с завода семейных рабочих не было. Холостые же каторжные бегут тотчас по присылке на завод, в среднем по три человека из партии. По словам управляющего, большая часть каторжан, окончивших срок работ на заводе и отправленных в Якутскую область, гибнет или попадает вновь в тюрьму. Семейные же каторжане, погулявши несколько месяцев, вновь возвращаются и нанимаются на завод в качестве вольных рабочих.

Суховская следственная и пересыльная тюрьма, что в 804 верстах от Иркутска, состоит из двух почти совершенно темных маленьких камер, человек на 10 каждая. Арестантские партии приходят один-два раза в неделю, те, кому не хватило места в тюрьме, ставятся на постой к крестьянам бесплатно. Арестанты питаются хлебом, покупая его по 8 копеек за фунт, или милостыней. Далее автор описывает состояние Назаровской, Марковской, Красноярской, Ульканской, Потаповской следственных и пересыльных тюрем. Их устройство практически не отличается от уже увиденных: тесные темные коморки, низкие потолки, небольшие, заделанные слюдой или забитые досками оконца. Кроме иркутских партий, здесь встречаются небольшие группы ссыльных, следующих по Лене «снизу». У «низовских» арестантов кормовых денег нет, живут же они или подаванием, или кражей, унося все, что попадется под руку. Основу таких партий составляют ссыльные, высланные по какой-либо причине, в основном за леность и пьянство, на места причисления с золотых приисков – Витима, Олекмы, Мачи. В год через эти тюрьмы проходит от 100 до 200 бывших приискателей, как правило, без средств и теплой одежды.

Из всех осмотренных Птицыным тюрем только Киренская может в некоторой степени претендовать на роль тюремного замка. Находясь в 974 верстах от Иркутска, Киренская тюрьма окружена ветхим частоколом, стоящим исключительно на подпорках изнутри и снаружи. Сплошь сгнили и тюремные помещения. Один арестант, чтобы продемонстрировать автору ветхость построек, практически свободно воткнул пальцы в бревно наружной стены. Не так давно в одной из камер обвалился потолок и засыпал сидевшего там каторжника, его откопали, «зашибленного», но живого.

В Киренском тюремном замке, едва ли рассчитанном на 50 человек, Птицын застал 86 арестантов. Заведует тюрьмой смотритель, в подчинении у которого один надзиратель. Смотритель жаловался чиновнику на плохую организацию тюремной службы: с сентября 1882 г. (разговор велся в феврале 1883 г.) из Иркутска не поступает ни белья, ни обуви, ни теплой одежды. Арестантам, в полном смысле слова, не в чем выйти на городские работы или на прогулку; начальник местной команды не дает конвойных для сопровождения арестантов и приходится отправлять с ними надзирателя.

Но больше всего поразила Птицына в Киренске история с тюремной баней. Казенной бани при замке не оказалось. Арестант, проделавший почти тысячу верст пешего пути, мечтал в Киренской тюрьме, самой большой, своего рода, «центральной» на севере Иркутской губернии, наконец-то вымыться, поменять белье, избавиться от паразитов. Не тут то было! Больше всего жалоб у ссыльных было, конечно, по этому поводу. Арестанты одной из этапных партий, устав от такого положения, собрали артельные деньги и выстроили при тюрьме баню. Желая получить затраченные ими средства, ссыльные неоднократно обращались в местный тюремный комитет, находящийся

тут же в Киренске и распоряжающийся ссыльным экономическим капиталом, но неизменно получали отказ. И смотритель тюрьмы также жаловался на попечителей: местное купечество на заседаниях комитета не бывает, в проблемы не вникает, деньгами не помогает.

В Киренском тюремном замке автор нашел камеру для женщин. В ней с трудом помещались 4 арестантки, причем одна из них, подсудимая Долгополова, находилась здесь уже третий год, а ее дело все еще не решено якутским окружным судом. Больницы при тюрьме нет, и больных арестантов помещают в две палаты городской больницы, учреждения, по словам Птицына, «по своей невероятной грязи и зловонности, не имеющего себе подобного даже в самых глухих северных городах Сибири». Кроватей в палатах нет, больные лежат прямо на полу, прикрываясь каким-то тряпьем. Автору показали отдельную камеру для «сифилитиков». Здесь находились больные мужчина и женщина вместе, так как женской палаты не предусмотрено, а в углу под столом копошились, прячась друг за друга, маленькие дети этой женщины – двух и трех лет от роду. Исправник пытался как-то пристроить детей, но жители их не берут, а приюта в городе нет.

Птицын стал свидетелем поступления в тюрьму новой партии арестантов из Иркутска. Из 120 человек один умер в пути, остальные были больны тифом, но, за неимением больничных мест, их просто «сложили» в тюрьме под нары. Оставшимся смотритель выдал по 14 копеек кормовых и с легкостью предоставил право устраиваться по своему усмотрению. Большую часть партии взял на постой священник по 5 копеек за сутки, остальные разместились, кто, как мог, в тюремных помещениях и коридорах.

В заключении своей статьи Птицын приводит несколько статистических выкладок. По его данным, в 1880 г. вдоль Лены в Якутскую область было отправлено из Иркутска 959 человек. В 1881 г. – 1565, в 1882 г. – 3076, а всего – 5600. Из них бежало, соответственно: 141, 320 и 474 арестанта, или 4,7, 20,5 и 15,4 % с каждой партии, а в среднем – 16,9 %, или 935 беглых за три года. И это только в одной губернии, на одном якутском тракте. По мысли автора, бороться с бегствами можно только одним путем – изменить способ доставки этапных партий к месту назначения в Якутскую область, отправляя арестантов рекой, а не трактом вдоль реки. С этим предложением местные иркутские власти неоднократно обращались в столицу. Там подсчитали затраты такого способа: если отправлять ссыльных по тракту налагая на местных крестьян повинность по сопровождению и приемке, пересылка обходится в 24 000 рублей в год. Если сплавлять по Лене пароходом – 30 000. Из-за это разницы и удорожания этапирования вопрос долго не решался. Наконец, летом 1886 г. попробовали сплавить по Лене первую партию и отправили за сезон 1200 арестантов по 6,4 рубля за каждого. В 1887 г. сплавили 1050 ссыльных, обошедшихся уже по 3,67 рубля за человека. С этого года основная масса ссыльных стала отправляться лето водой вниз по Лене. Зимой по льду отправляется лишь незначительная часть ссыльных, следующих из Якутской области в Иркутск или с золотых приисков по местам пачисления.

Примечания

1. Шунков В.И. Черки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М., 1946. С. 17.
2. Иркутск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. 4–12.
3. Житие протопа Аввакума, им самим написанное, и др. его соч. Иркут, 1979. С. 33–34.
4. Там же. С. 46.
5. Первое столетие Иркутска. Издание В.П. Сукачева в память 250-летия Иркутска. СПб., 1902. С. 24–27, 32.
6. Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 года. СПб., 1877. С. 170.

7. Копылов А.Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 33.
8. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 130.
9. Кашик О.И. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв. // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Благовещенск, 1958. Вып. XVI. С. 230, 231, 237, 238.
10. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века. Иркутск, 1895. С. 157.
11. Историческая энциклопедия Сибири. С–Я. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 171.
12. Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 года / сост. В.К. Андриевич. СПб., 1887. С. 135.
13. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. С. 349.
14. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. М., 1987. Т. 5. С. 496–498.
15. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 354–355.
16. Там же. С. 354–355.
17. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. С. 139.
18. Там же. С. 150.
19. Катионов О.Н. Сибирский тракт // Историческая энциклопедия Сибири. М., 1989. Т. III. С. 86.
20. Кузовников. К истории ссылки в Сибирь // Тюремный вестник. 1898. № 2. С. 72.
21. Анушин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь за 1827–1846 гг. СПб., 1873. С. 17–23.
22. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995. С. 30.
23. Устав об этапах в сибирских губерниях. 22 июля 1822 г. // История Сибири XVI – начала XX вв.: Сб. док-тов. Кемерово, 2010. С. 234.
24. Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Новосибирск, 1993. Т. 1. С. 25.
25. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 353. Л. 43.
26. Там же. Л. 46–48.
27. Там же. Л. 62 об.–63.
28. Там же. Л. 43.
29. Томские губернские ведомости. 1882. № 40.
30. Забайкалье: Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 52.
31. Там же. С. 94.
32. Патронова А.Г. Государственные преступники на Нерчинской каторге (1861–1895 гг.): Библиографический справочник. Чита, 1998. Ч. II. С. 99.
33. Стефанович Я.В. По этапам // Вестник Европы. 1916. Кн. 7. С. 113.
34. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 440. Л. 7.
35. Чарушин Н.А. О далеком прошлом на Каре. М., 1929. С. 9–14; ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 349. Л. 22.
36. Гулин А.С. Гарибальдийцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Сибирская ссылка: сб. науч. статей. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18). С. 262; Деятели СССР и революционного движения в России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Стб. 100–101; Белый Я. Воспоминания ссыльного 80-х годов // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 109.
37. Народная воля. 1882. № 8–9 // Литература социально-революционной партии «Народной воли». Типография партии социалистов-революционеров, 1905. С. 547–548.
38. ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
39. ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 120. Л. 16–18.
40. Кузовников. К истории ссылки в Сибирь // Тюремный вестник. 1898. № 2. С. 73.
41. Обзор Иркутской губернии за 1899 год. Иркутск, 1900. С. 25.
42. Дзержинская С. В годы великих боев. М., 1965. С. 190.
43. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1913. С. 69–73.